

Гибралтарский пролив Апрель 1930

Мы попали в левантер¹.

Я услышала это слово, когда испанцы столпились на палубе, показывая куда-то пальцами и качая головами. «*Viento de Levante*»², — громко сказал один из них, затем сплюнул и произнес что-то с такой горячностью, что я поняла: это может быть только проклятие. А потом он поцеловал распятие, висевшее у него на груди.

Испанцы, сгорбившись, ринулись под навес, прижались спина к спине и попытались зажечь небольшие самокрутки, прикрывая их рукой. Неожиданно воздух стал влажным, сгустился туман. Это, так же как и вид испанца, целующего распятие, казалось дурным предзнаменованием.

— Простите, — обратилась я к мужчине средних лет, стоявшему возле меня у перил.

Я слышала, как он разговаривал на английском языке с одним из грузчиков, когда мы заходили на борт, и поняла, что он, как и я, американец. У этого человека, явно пресыщенного жизнью, были довольно пухлые щеки и мешки под глаза-

¹ Сильный восточный ветер в Средиземноморье. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Ветер с востока (исп.).

ми. Мы оказались единственными американцами на борту этого небольшого парома.

— О чем они говорят? Что такое *леванте*?

— Левантер, — поправил он меня, застегивая пальто. — *Леванте* на испанском — восток. А левантер означает *подниматься*. Это ужасный ветер, дующий с востока.

Я знала о сирокко¹ и мистральях² — ветрах, существующих в Средиземноморье. Но никогда прежде я не слышала о левантере.

— Черт! — бросил мужчина, но сразу же осекся: — Извините. Но это действительно может нас задержать. Возможно, нам придется повернуть обратно, если мы не сможем обойти его.

Несмотря на ветер, до меня доносился запах его одеколона, слишком сладкий.

— Обойти его? Разве он не будет дуть просто над нами?

— Не могу сказать наверняка. Знаю лишь, что он достигает своей максимальной силы здесь, в западной части пролива. — Неожиданно его шляпа поднялась, будто ее схватила чья-то невидимая рука, и, хотя мужчина попытался удержать ее, закружилась перед нами, прежде чем исчезнуть вдали.

— Черт, опять! — выкрикнул он и запрокинул голову, проклиная низкое мрачное небо, затем повернулся ко мне. — Вы должны простить меня, миссис...

— О'Ши. Мисс О'Ши.

Мой плащ раздувал ветер, а потом его полы закрутились вокруг меня, будто я была танцующим дервишем³; я прижала одну руку к груди, в то время как другой удерживала свою шляпу. Даже несмотря на многочисленные шляпные булавки,

¹ Теплый, сильный, сухой южный или юго-восточный ветер в Средиземноморье.

² Холодный северный ветер на юге Франции.

³ Мусульманский аналог монаха, аскета. Дервиши одевались в белые одежды с широкими юбками, в их ритуал входило очень быстрое кружение вокруг своей оси.

моя фетровая шляпка трепетала и приподнималась, словно могла в любой момент слететь с головы. Я с трудом вдохнула — то ли из-за ветра, то ли от страха.

— А паром может... может... перевернуться? — Я не могла произнести «*утонуть*».

— Я еще раз прошу прощения за свои неподобающие манеры, мисс О'Ши. Перевернуться? — Он посмотрел через мое плечо в сторону кормы. — В последнее время в проливе очень редко паромы идут на дно. Не с такими мощными двигателями, какими они оборудованы сейчас.

Я кивнула, хотя его слова почему-то не успокоили меня, как мне хотелось бы. Еще совсем недавно я приплыла на корабле из Нью-Йорка в Марсель, а затем из Марселя в самую южную точку Испании, и самое худшее, что произошло за время этого путешествия, — разбушевавшийся на день или два Атлантический океан. Я и предположить не могла, что этот короткий отрезок пути может стать самым ужасным.

— Погода здесь непредсказуемая, — продолжал мужчина, — а климат временами довольно суровый. Левантеры обычно дуют три дня, и если капитан примет решение не идти вперед, мы вынуждены будем зайти в один из этих ужасных маленьких портовых городков Испании и прождать там по крайней мере до субботы.

Суббота. А сейчас среда. Я и так в Марселе вынуждена была ждать достаточно долго. Каждый прожитый день прибавлял новый виток к моей медленно, но неуклонно растущей панике, которая зародилась, еще когда я в последний раз видела Этьена.

Ветер дунул соленые брызги прямо мне в лицо. Не снимая перчаток, я поднесла руку к глазам, отчасти чтобы протереть их, а отчасти чтобы стереть образ моего жениха. Где бы он ни был сейчас.

Мужчина добавил:

— Вам лучше зайти внутрь. Эти брызги... Вы скоро совсем промокнете из-за этих волн, да и из-за тумана. Вы же не

хотите заболеть по прибытии в Танжер? Северная Африка — неподходящее для этого место.

Его слова не очень напугали меня. Я вспомнила, как лежала на узкой кровати в Марселе с жаром, ослабевшая, всего каких-то десять дней назад. Абсолютно одна.

Мужчина продолжал изучать меня.

— Мисс О’Ши, вы путешествуете с кем-нибудь?

— Нет, — прокричала я, потому что ветер неожиданно начал завывать. — Нет, я одна. — *Одна*. Сказала ли я это громче, чем хотела?

— А вы знаете Танжер?

Я осознала, как нелепо мы, наверное, выглядели в глазах испанцев, пытаясь услышать друг друга сквозь порывы ветра. Слегка защищенные навесом, они смогли-таки зажечь свои самокрутки и сосредоточенно курили, сузив глаза и поглядывая на небо. Очевидно, левантер был не нов для них.

— Да, — прокричал мужчина мне в ответ, — да, я бывал там несколько раз. Ну пойдете же, пойдете.

Он слегка коснулся моей спины, направляя меня к двери внутреннего помещения. Когда мы вошли в узкий коридор, ведущий к основному залу, дверь за нами со стуком захлопнулась и я почувствовала, какое это облегчение — укрыться от ветра. Я откинула назад налипшие на щеки волосы и поправила шляпку.

— Вы можете порекомендовать какое-нибудь жилье в Танжере? Всего на одну или две ночи; мне нужно попасть в Марракеш. Я не уверена... Я читала разные отзывы о дороге из Танжера в Марракеш, но найденная мной информация была противоречива.

Он изучал мое лицо.

— Отель «Континенталь» в Танжере самый подходящий вариант, мисс О’Ши, — медленно произнес он. — Он самый приличный; там всегда есть несколько добропорядочных американцев и англичан. Пользуется популярностью среди состоятельных европейских путешественников. Он расположен возле стен старого города, но вполне безопасен.

— Вполне безопасен? — повторила я.

— В Танжере всегда чувствуешь себя немного настороженно. Все эти узкие извилистые улочки и переулки. Очень запутанные. И люди... — Он помолчал, затем продолжил: — Но «Континенталь» создает какое-то колониальное ощущение Старого Света. Да, я искренне рекомендую его вам. О! — воскликнул он, будто вспомнил что-то важное. — И к счастью, там нет французов. Если у них нет здесь знакомых, у которых можно было бы остановиться, они поселяются в «Кап де Шербур» или «Миль д'Исла».

Я ничего на это не сказала, и он продолжил:

— В комнате для отдыха в «Континентале» очень оживленно по вечерам. Много вечеринок и концертов. Если вам нравится подобное времяпрепровождение, — произнес он, продолжая меня разглядывать. — Мне это место не подходит, но я чувствую, что оно соответствует вашим требованиям.

Я кивнула.

— Но вы сказали, что направляетесь в Марракеш? — спросил он. — Через всю страну?

Я снова кивнула. Он поднял брови.

— Но, разумеется, не в одиночестве. Вы встречаетесь с друзьями в Танжере?

— Я надеюсь поехать туда поездом, — сказала я, не отвечая на его вопрос, но заметив, как изменилось его лицо, добавила: — Ведь ходят же поезда в Марракеш, не так ли? Я читала...

— Вы не знаете Северную Африку, как я понимаю, мисс О'Ши.

Я действительно не знала Северную Африку.

И теперь стало очевидно, что я совсем не знала Этьена.

Я промолчала, и мужчина продолжил:

— Это предприятие не для робких. И уж тем более я бы не советовал отправляться в это путешествие женщине одной. Иностранки в Северной Африке... — он смолк. — Я вообще не рекомендовал бы вам ехать. До Марракеша довольно приличное расстояние. Проклятая страна! Никогда не знаешь, чего ожидать и откуда.

Я нервно слотнула. Внезапно мне стало слишком жарко; тусклый свет коридора начал расплываться ярко-белыми пятнами, в то время как звук ветра и шум двигателя стали тише.

Мне нельзя падать в обморок. Только не здесь.

— Вам нехорошо, — сказал мужчина; из-за головокружения его голос казался мне приглушенным. — Пройдите и присядьте.

Я почувствовала его руку под моим локтем, подталкивающую меня вперед, и мои ноги невольно двинулись с места. С такой ногой, как у меня, взойти на борт судна и передвигаться там, даже когда море спокойное, уже само по себе дело непростое, а сейчас от меня требовалось максимум усилий. Чтобы не упасть, я одной рукой схватилась за стену, а другой прижалась к сильной руке мужчины. А затем кто-то решительно надавил мне на плечи, и я почувствовала под собой твердое сиденье. Я наклонилась вперед, скрестив руки на животе и закрыв глаза, потом глубоко вдохнула, чувствуя, как кровь приливает к голове. Когда я в конце концов выпрямилась и открыла глаза, то увидела, что мы сидим в тесном прокуренном зале с рядами металлических стульев, прибитых к полу. Он был почти наполовину заполнен людьми, которых по внешности и одежде можно было причислить к испанцам или африканцам, но еще больше здесь было тех, кого я не могла определить лишь по внешним признакам. Мужчина сидел возле меня.

— Спасибо. Мне уже лучше.

— Вы не единственная, кому стало плохо в этих условиях, — сказал он.

Я обратила внимание на стоны и детский плач вокруг меня и поняла, что многие пассажиры тоже испытывают неприятные ощущения от сильной качки.

— Итак, вы спрашивали о поезде, — сказал он. — Вы правы: поезд до Марракеша существует. Рельсы были проложены всего несколько лет назад, но в большинстве случаев это ненадежный способ передвижения. Кроме того, поезд идет не из Танжера. Вам сначала потребуется добраться до Феса или Рабата и сесть на него в одном из этих городов. Я не